

4. *Zamyatin D.N.* Local histories and methods of modeling the humanitarian and geographical image of the city. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/mentalnye-karty-kak-instrument-kompleksnogo-kulturno-geograficheskogo-issledovaniya-analiz-podhodov>
5. *Domnikov S.* Tsar city. Russian city in mythological space. URL: <http://mirznanii.com/a/318444/tsar-gorod-russkiy-gorod-v-mifologicheskome-prostranstve>
6. *Goncharov V., Mazova N.* Mythology of metropolis. URL: https://royallib.com/read/gurnal_esli/esli_2004__9.html#977633.
7. *Merkulova A.S.* Myth of the city in modern Russian prose: dis. ... cand. of philological sciences. Moscow, 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/mif-o-gorode-v-sovremennoy-russkoy-proze>
8. *Naydorf M.I.* The myth of Odessa as a myth. URL: <http://mirznanii.com/a/319659/odesskiy-mif-kak-mif-rannie-gody-odesskogo-mifa>
9. *Gerard de Vries G.* A big city is a great art. URL: https://znanio.ru/media/konspekt_stati_bolshoj_gorod_velikoe_iskusstvo_gerard_de_vris_iz_zhurnala_logos_3_4_za_2002_god-111404/132574
10. *Baudrillard J.* Simvolicheskiy obmen i smert [Symbolic exchange and death]. Moscow, 2000. 387 p.
11. Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya [Theoretical sociology: an anthology]. In 2 p. Moscow, 2002.
12. *Ryazanova S.V.* Role of the theory of archetypes in the analysis of myth // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2012. № 3. P. 7-16.

УДК 930.85

Н.С. КАНАТЬЕВА

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ САМОСОЖЖЕНИЙ В XVII-XIX ВВ.

Канатьева Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, магистр истории, доцент кафедры культурологии Астраханского государственного университета (Астрахань, ул. Татищева, 20а), nessy71@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ общепринятых научных мнений о природе старообрядческих самосожжений. На основании литературных источников как старообрядческого, так и миссионерского авторства показывается, что отношение к самосожжениям послужило основой для раздробления старообрядчества на несколько течений и общин. Делается вывод о перерождении протеста в другие формы противостояния государству и господствующей церкви.

Ключевые слова: старообрядчество, древлеправославие, самосожжения, поповщина, беспоповщина, Апокалипсис, эсхатологическая доктрина.

UDC 930.85

N.S. KANATYEVA

TO THE QUESTION ON THE NATURE OF THE OLD BELIEVERS' SELF-BURNINGS IN THE XVII-XIX CENTURIES

Kanatyeva Natalya Sergeevna, candidate of biological sciences, master of history, associate professor of the cathedra of culturology of the Astrakhan state university (20a, Tatishcheva st., Astrakhan), nessy71@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze generally accepted scientific opinions about the nature of the old believers' self-burnings. Based on the literature of both old believers' and missionary authorship, it is shown that the attitude to self-burnings served as the basis for the fragmentation of the old believers into several movements and communities. The conclusion is drawn about the degeneration of protest into other forms of opposition to the state and the dominant church.

Keywords: old believers, old Orthodoxy, self-burnings, pro-clergy, contra-clergy, Apocalypse, eschatological doctrine.

Русский раскол старообрядчества 1653-1667 гг. – одно из тех событий, которые предопределяют дальнейшую судьбу страны и ее народа. В результате недальновидных, непродуманных действий царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и руководимых ими соборов наиболее консервативная часть населения на протяжении двух с половиной веков последовательно преследовалась.

Стремление уйти от ненавистных стандартов общепринятой жизни подвигало старообрядцев на бегство и переселение в другие страны, поиск Беловодья и Опоньского царства, освоение таежной глуши и заполярных островов. А попытка критического переосмысления общепринятых норм зачастую приводила к самому дикому сектантству и радикализму. Но самой трагической страницей в истории старообрядчества все же остаются массовые самоубийства, «гари». Это был наиболее радикальный способ протеста и ухода от мира, в котором, по мнению старообрядцев, больше не было благодати.

Предлагаемая статья ставит своей целью анализ общепринятых научных мнений о природе старообрядческих самосожжений. Приводится обзор важнейших источников, определяются временные рамки явления. В работе применены идеографический (описательно-повествовательный), сравнительно-исторический и ретроспективный методы исследования.

Старообрядческая община никогда не была монолитной и единой, еще во времена Аввакума началось разделение на толки и согласия. Все иные согласия, кроме своего, считались старообрядцами еретическими, свое же согласием и не считалось, а признавалось Церковью [1, с. 241]. Но одним из самых главных вопросов, разделивших старообрядчество, являлся вопрос об Антихристе и его власти в мире. Отношение к этому вопросу стало основой для образа жизни, повседневного поведения и в конце концов привело к религиозному радикализму, наиболее чудовищным способом проявившемуся в массовых самосожжениях.

Обрекание себя на мучительную смерть вследствие отчаяния или религиозного фанатизма – одно из тех самых явлений русской истории, которое поражает до сих пор. По данным Е.В. Романовой, за 230 лет, с начала раскола и по 1897 год, около двадцати тысяч старообрядцев погибли в результате массовых самоубийств [2, с. 7]. Однако С.Г. Вургафт и И.А. Ушаков считают, что такое же количество погибло в значительно более краткий отрезок времени: до 1690 г., т.е., считая, как старообрядцы, годом начала раскола 1653; всего за 37 лет в гаях погибло 20000 человек [3, с. 250]. По мнению М.В. Пулькина, «вскоре после церковных реформ... самосожжения стали неотъемлемой частью религиозной жизни Руси. Правительственные репрессии в отношении самосожженцев, образно выражаясь, «добавляли масла в огонь»: «гари» становились все более массовыми» [4, с. 93-102].

Само по себе явление религиозного суицида вовсе не является присущим лишь старообрядцам, в христианстве подобных примеров было много, начиная с самоубийства трех жительниц Антиохии, описанного Евсевием Кесарийским, при императоре Диоклетиане и заканчивая суицидом 778 граждан Уганды, последователей секты «Движение за восстановление десяти заповедей Бога», произошедшим в 2000 году [2, с. 7]. Но «все же это были единичные случаи, вызванные учениями проповедников, которые по крайней мере в XX веке преследовали цели, по сути не имевшие отношения к мотивировавшей их эсхатологической риторике» [2, с. 7], в то время как в старообрядчестве явление массового суицида стало частью эсхатологической доктрины.

Однако, по мнению А.С. Пругавина, известного революционера-народника и исследователя старообрядчества, «коллективные самосожжения из-за религиозных и иных побуждений являются *исключительно* (выделение Пругавина. – *Н.К.*) особенностью

русского народа; в других странах, у других народов, насколько известно, нет и не было подобных проявлений религиозного фанатизма. Повесть о самосожжениях навсегда, конечно, останется одной из самых мрачных страниц в нашей истории. К сожалению, эта страшная нравственная эпидемия, пережитая нашей родиной, до сих пор остается невыясненной в должной степени ни с психической, ни даже с исторической стороны» [5, с. 9].

С другой стороны, «гари» были вовсе не ответом на какие-то внешние раздражители, гонения и преследования властей или же результатом авторитета наставника, призывающего к «огненной смерти». Массовые самоубийства являлись результатом внутренней напряженной работы мысли старообрядческого сообщества, и в этом состоит принципиальное отличие старообрядческих суицидов от внешне сходных, но иных по сути самоубийств ранних христиан и сектантов Нового времени. Романова называет это явление «своего рода механизмом, выработанным самой старообрядческой культурой и выполняющим в ней определенную функцию» [2, с. 8].

Напротив, с точки зрения части старообрядческих исследователей, «причина массовых самосожжений среди староверов заключалась отнюдь не в их склонности к самоубийству или религиозном «фанатизме», а в той бесчеловечной политике, которую проводили политики и господствующая церковь по отношению к лучшим сынам русского народа, по сути дела, не оставляя для них иного выхода» [6, с. 259]. Как писал старообрядческий историк Ф.Е. Мельников, «только и уходу, что в огонь да в воду» [6, с. 114-115].

Вопрос о гаях стал очередным камнем преткновения на пути к единству. «Число гарей и участников в них росло с такой быстротой, что умеренным старообрядцам-традиционалистами, признававшим священство, полноту таинств и возможность нормальной христианской жизни на земле, делалось ясно, что им не по пути с этими мрачными изуверами, веровавшими, что христианская история человечества пришла к концу и сила зла на земле стала непреодолимой» [7, с. 308]. «Традиционалисты» принадлежали, как правило, к поповским согласиям, и отношение к массовым самоубийствам завершило процесс окончательного размежевания двух самых обширных старообрядческих общин – поповской и беспоповской.

Появление среди беспоповского согласия «организаторов», сделавших самосожжения по-настоящему массовыми и в то же время неоднократно уходивших невредимыми из сотворенных ими гарей, чтобы в новом месте снова найти и созвать отчаявшихся людей для очередного «огненного причастия», вынуждены были признать сами старообрядцы. По мнению М.В. Пулькина, дискуссия о допустимости суицида стала решающим фактором не только в разделении старообрядчества, но и определяла судьбу «древлего благочестия» в целом [4, с. 8].

К середине XIX века, во времена так называемого «николаевского оскудения» [7], вопрос о самосожжениях тщательно обходился. Знаменитый нижегородский чиновник по особым поручениям Павел Иванович Мельников, он же писатель Андрей Печерский, в своей тетралогии «В Лесах» и «На Горах», рассказывая о старообрядческом соборе в нижегородских скитах, упоминает о самосожжениях и приходит к выводу, что «гореть» более не хочет никто, даже фанатичные настоятели-игумены, собравшиеся на собор¹. Тем не менее некоторые исследователи считают, что массовые самоубийства старообрядцев были и в XIX в., правда, они носили иной характер в сравнении с XVII-XVIII вв.

Е.В. Романова пишет, что в XVII-XVIII вв. «самогубительные» действия старообрядцев мотивировались «эсхатологическими текстами, агиографией и традиционными представлениями о праведной смерти» [2, с. 238], тогда как массовые самоубийства XIX в. (к ним автор относит, с некоторыми оговорками, два подобных события, произошедшие в Пермской губернии в 1847 и 1849 гг.) были в некотором роде срежис-

¹ Мельников П.И. (Андрей Печерский). В Лесах. В двух книгах. Книга вторая. М., 1987. 576 с.

сированы. Но архивные данные, которые приводит Е.В. Романова [2], даже не позволяют утверждать наверняка, что эти организаторы исповедовали древлеправославие. Да и сам ритуал массового самоубийства более схож с обычаями эсхатологической секты еноховцев, на что указывает и автор: «...действия предводителя абсолютно не связаны с эсхатологией, они представляют собой реализацию идей, возникших при толковании Ветхого Завета» [2, с. 240]. На наш взгляд, массовые самоубийства, происходившие в XIX в. и приписываемые эсхатологической доктрине старообрядцев, никак не могут считаться таковыми.

Итак, наиболее радикальной формой избавления от «прельщенного» мира был суицид, массовый или индивидуальный. В старообрядчестве явление массового суицида стало частью эсхатологической доктрины.

Массовые самоубийства являлись результатом внутренней напряженной работы мысли старообрядческого сообщества, и в этом состоит принципиальное отличие старообрядческих суицидов от внешне сходных, но иных по сути самоубийств ранних христиан и сектантов Нового времени.

Дискуссия о допустимости суицида стала решающим фактором не только в разделении старообрядчества, но и определяла судьбу «древлеблагочестия» в целом.

Массовые самоубийства, происходившие в XIX в. и приписываемые эсхатологической доктрине старообрядцев, никак не могут считаться таковыми.

Литература

1. *Краммер А.В.* Раскол русской Церкви в середине XVII в. СПб., 2014. 368 с.
2. *Романова Е.В.* Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII-XIX веках. СПб., 2012. 288 с.
3. *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. 316 с.
4. *Пулькин М.В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII-XIX в.). М., 2013. 336 с.
5. *Пругавин А.С.* Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе (очерки, аналогии, параллели). М., 1885. 65 с.
6. *Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. 557 с.
7. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. В 2 т. М., 2009. 688 с.

References

1. *Kramer A.V.* Raskol russkoy Tserkvi v seredine XVII v. [Split of the Russian Church in the middle of the 17th century]. Saint Petersburg, 2014. 368 p.
2. *Romanova E.V.* Massovye samosozhzheniya staroobryadtsev v Rossii v XVII-XIX vekah [Mass self-burnings of the old believers in Russia in XVII-XIX centuries]. Saint Petersburg, 2012. 288 p.
3. *Vurgaft S.G., Ushakov I.A.* Staroobryadchestvo. Litsa, predmetry, sobytiya i simvolyy. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya [Old Believers. Faces, objects, events and symbols. Experience of encyclopedic dictionary]. Moscow, 1996. 316 p.
4. *Pulkin M.V.* Samosozhzheniya staroobryadtsev (seredina XVII-XIX v.) [Self-burnings of the old believers (middle of the XVII-XIX century)]. Moscow, 2013. 336 p.
5. *Prugavin A.S.* Samoistreblenie. Proyavleniya asketizma i fanatizma v raskole (ocherki, analogii, paralleli) [Self-destruction. Manifestations of asceticism and fanaticism in a split (essays, analogies, parallels)]. Moscow, 1885. 65 p.
6. *Mel'nikov F.E.* Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) Tserkvi [Brief history of the old Orthodox (old believer) Church]. Barnaul, 1999. 557 p.
7. *Zenkovskiy S.A.* Russkoe staroobryadchestvo [Russian old believers]. In 2 v. Moscow, 2009. 688 p.

